

Эдуард Веркин

ОСТРОВ САХАЛИН

INSPIRIA
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В32

Дизайн обложки Алексей Гаретов

В оформлении использованы фрагменты работ
японских художников 19 века

Веркин, Эдуард Николаевич.
В32 Остров Сахалин / Эдуард Веркин. — Москва : Эксмо,
2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-225820-6

«Остров Сахалин» — это и парафраз Чехова, которого Эдуард Веркин трепетно чит, и великолепный постапокалипсис, и отличный приключенческий роман, от которого невозможно оторваться, и нежная история любви, и грустная повесть об утраченной надежде. Книга не оставит равнодушными ни знатоков классической литературы, ни любителей Станислава Лема и братьев Стругацких. В ней есть приключения, экшн, непредсказуемые повороты сюжета, но есть и сложные футурологические конструкции, и философские рассуждения, и, разумеется, грустная, как и все настоящее, история подлинной любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225820-6

© Веркин Э.Н., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2026

Милая моя девочка, за воротами райского сада
еще жив единорог, ты же знаешь, ты знаешь.

Сиро Синкай

Итуруп

Пожалуй, слишком.

Фамильный макинтош выцвел именно из темно-темно-зеленого. С неожиданными красными прожилками и редкими золотыми блестками, будто под промасленным сафьяном выросла прозрачная плоть и стало можно смотреться в ее глубину. Во времена непоседливых молодых богов такие плащи шили из верхних век бестолковых драконов, выдубленных в крови стойких македонских всадников, высоленных в слезах спартанских женщин, эти плащи меняли на чистые сапфиры, собранные на том самом Другом берегу, — за них отдавали в полон села и пускали на поток города.

Слишком старательные мысли, профессор отучал меня от старательных мыслей.

В восемь лет, стоя на табуретке и примеряя этот плащ перед зеркалом, я сочиняла истории. Про воинов, и первый бой, и последний бой; про красавиц, ожидающих песчаную саранчу; про долгую непогоду, мудрых стариков и тягучие яды, прожигавшие в зеленой коже тонкие шагреневые прожилки.

И снова чересчур старательные. Как сложно бежать от этого, когда образцы смотрят на тебя с книжных полок, соблазняют и обезоруживают своей наивностью и гениальной пошлостью.

В четырнадцать я могла примерить макинтош уже без табуретки, и по плечу он был мне впору. В этом

возрасте я уже не очень верила в бравых воинов и прозорливых старцев, хотя... Немного еще верила, да, все-таки верила. И книжки читала, и грезила об Атлантиде, и в тухлом ветерке, прилетавшем с залива, надеялась услышать дыхание ледяной, великой и забытой ее детьми Гипербореи, и в октябрьских закатах, которые длились часами, видела отблески минувшего Эльдорадо.

Чуть лучше.

В мои двадцать два отец снял макинтош с вешалки и с улыбкой вручил мне, сказав, что неплохо бы его починить. С тех пор плащ висел в моей комнате и ждал своего часа.

Макинтош давно утратил первоначальный опрятный вид, но приобрел все качества настоящей, служившей вещи: потертость в плечах и на локтях, оторванные карманы, сжеванный воротник и несколько обугленный правый рукав, ну, и четыре знаменитые дырки — аккуратные на правой лопатке, там, где пули вошли в спину моего прадеда, и широкие с правой стороны груди, где эти пули вышли.

Я изучала эти дырки, разглядывая сквозь них потолок каюты и размышляя, как прадеду удалось выжить после такого славного ранения. Еще думала — стоит ли забрать эти дырки каучуковыми заплатами или все же залить их прозрачной жидкой резиной? Остановилась на заплатах — ходить с дырками было, пожалуй, чересчур эпатажно даже в предстоящем путешествии. Я велела принести все необходимое и вулканизировала пулевые отверстия.

Потом я примерила плащ, потому что время его настало.

Он долгие годы висел в кабинете отца на почетном месте и считался семейной реликвией — от отца к сыну вместе с саблей, землей и дворянским состоянием. В отсутствие братьев и сестер все это отходило

мне, благо после Реставрации и землю, и титулы могли наследовать и лица женского пола.

Предки отличались и ростом, и сложением, так что плащ был несколько мне велик, но это обстоятельство не особо смущало — погода на островах часто стояла промозглая, так что я намеревалась надевать под плащ свитер. В целом макинтош оказался весьма удобной и родной вещью, надеваешь, и между тобой и миром появляется что-то надежное, действительно надежное, прадед ведь выжил.

Конструкция плаща отличалась прочной довоенной продуманностью, в наши, окончательно одно-разовые времена такой найти трудно. Под мышками и на спине были особые карманы, при попадании в воду эти полости наполнялись воздухом и не давали хозяину вещи утонуть — именно это приспособление спасло отца, когда его без сознания выбросило за борт «Конестоги», той самой. Я отметила, что эти карманы несколько мешают, не то чтобы сковывают движения, но создают незначительное неудобство, натирая под мышками, их можно было без ущерба для кроя вырезать, но из соображений скорее суеверных я эти пазухи решила оставить, мало ли? К тому же в одной из полостей с левой стороны совершенно неожиданно мною была обнаружена золотая монета, стертая из-за ношения под рукой, на ней не просматривались ни властитель, ни год, но смутные очертания хищной птицы на аверсе угадывались. Я хотела извлечь ее, но подумала, что она могла быть помещена за пазуху не случайно, возможно, это был талисман кого-то из моих предков, так что я лишь протерла монету и вернула ее обратно, надшив вокруг гурта неширокий бортик, чтобы монета сидела как бы в гнезде.

По бокам плаща раньше крепились проушины, судя по всему, с их помощью на спине фиксировалась кевларовая черепаха или иное защитное приспособле-

ние, до наших дней не дошедшее. Заплаты на их месте разошлись, задрались и тоже требовали ремонта. Я вооружилась паяльником, клеем, иголками, плетеной леской, вулканизатором и утюгом, и пока наш сухогруз пробирался на запад, чинила и подгоняла макинтош под себя. Сначала я хотела его несколько укоротить, но, поразмыслив, пришла к выводу, что делать этого не стоит — глупо разрушать проверенный временем функционал в угоду сомнительной эстетике, плащ должен оставаться плащом. В результате я сохранила длину макинтоша, но, чтобы он не выглядел окончательным мешком, приплавila в районе талии двойные хлястики для оружейного пояса.

Чтобы руки не болтались, я снабдила просторные рукава прорезными пряжками, так что при желании можно было увеличивать или уменьшать размер обшлагов, кроме того, излишки рукавов теперь складывались на предплечьях почти вдвое, что позволяло закрепить их ремнями и использовать в качестве щита, допустим, если на тебя кинется собака... Хотя там, судя по всему, нет собак. Но броситься может и китаец, и тогда усиленные рукава помогут.

По совету отца спереди, на внутренней стороне плаща, там, где проходила линия застёжек и клапанов, я нашила несколько продолговатых бляшек, вырубленных из дюралевого листа, — для того чтобы не путаться в полах, а отбрасывать их в сторону одним движением. Это дало определенный эффект — пистолеты я стала доставать быстрее.

Прибавила карманов, в том числе и потайных, — карманы в путешествии вещь неоспоримо важная. Хотела приделать эполет, но вовремя спохватилась — профессор Ода рекомендовал как можно меньше выделяться среди жителей острова и тут же ехидно поправлялся, что мне, конечно, не грозит остаться незамеченной. Эполет я решила не шить, вместо него

нарастила на плечи накладки из толстой буйволиной кожи, потратив на эту операцию два часа. У меня было прекрасное настроение, запах плавленной резины радовал, качка, терзавшая первые дни плавания, уже не изводила, и даже исколотые иголкой пальцы приятно болели, а приготовления к высадке вносили в душу уверенность и успокоение. Я готовилась увидеть остров, старалась предчувствовать его, и отчасти мне это удавалось. В иллюминатор моей каюты било солнце, я знала, где оно висит в полдень, и компас на столе тоже указывал направление, но и без солнца и компаса я знала, где он.

Приготовив костюм, проверив застёжки, шнуровки, заклепки и клапаны, молнии и карманы, я приступила к снаряжению макинтоша; требовалось заполнить его предметами, которые могли бы пригодиться в экстренной ситуации и облегчить мой путь. Я не собиралась оригинальничать, ничего необычного с собой не брала, только самое необходимое. Складной нож с многочисленными инструментами, от отвертки до пилы и плоскогубцев. Всепогодная зажигалка, приспособленная для розжига как в сухую погоду, так и в слякоть; к ней прилагался титановый бокс со спичками, горящими под водой. Герметичный пластиковый кейс для документов. Фонарик, миниатюрный, размером с палец, способный, однако, светить двенадцать часов. Фальшфейер. Карманная аптечка, в которую включался основной набор антибиотиков, обезболивающее, адсорбенты. Походную аптечку я укомплектовала заранее, и там набор медикаментов был более внушительный. Не забыла я и стеклянный пузырек, припасенный мною для земли. Я поместила его в особый продолговатый карманчик, укрытый за подкладкой. Вроде все.

Я примерила макинтош и в очередной раз подивилась тому, насколько ладная получилась одежда. Смотрелась я в ней так хорошо, боевито и опытно,

что я рассмеялась, выхватила пистолеты и рассмеялась еще громче — из зеркала смотрела вполне себе воинственная особа, готовая в случае чего прострелить вражескую коленку. Вот, например, этому помощнику капитана с сокрушительным именем Тацуо: слишком уж часто и не по чину посматривает. С железным коленом он стал бы выглядеть гораздо представительнее, солиднее, по-морскому, надо, чтобы оно скрипело еще. Хотя он подобного прострела не перенесет, он ведь презирует свою «Каппу» и наверняка грезит об «Эноле», а туда хромоногих не принимают, туда и не хромоногих далеко не всех принимают.

Я села на кровать и стала ждать. Слушала море, бьющее в борт, Ину, периодически сверялась с картой, прокладывая курс и просто сидела, так вот, вытянув ноги.

В полдень в шестидесяти милях от порта с сопровождающего миноносца приказали перейти на самый малый ход; «Каппа» покорно замедлилась, а потом и вовсе остановилась, резко, словно наткнувшись на хребет спящего дракона. По столу со звоном покатился стакан, красные пахучие звезды качнулись под потолком и сцепились лучами, завопили сирены, и я поняла, что тревога, кажется, боевая. Поднялась на палубу.

Ни команды, ни рабочих, ни кого-либо еще видно не было, помощник услужливо разъяснил, что в соответствии со штатным расписанием во время боевой тревоги посторонним лицам находиться на палубе категорически запрещается, но для меня капитан сделал исключение. Помощник Тацуо выглядел важно, на шее у него болтался бинокль внушительных размеров, а сам он старался держаться с достоинством, осанисто, с определенной долей превосходства над таким сухопутным существом, как я. Впрочем, что-то заискивающее в его фигуре все же было. Я поинтересовалась причиной задержки и тревоги, помощник, не отрыва-

ясь от бинокля, ответил, что мы встретили призрака, примерно в пяти милях к северу, и теперь его будут топить. Тацуо протянул мне бинокль, но перед тем, как посмотреть, я подождала несколько секунд, пока медные окуляры остынут от неприятного тепла его кожи.

Похоже, что траулер. Старый, без опознавательных знаков, но в хорошем состоянии, вполне себе на плаву, разве что корма немного просела, а так даже краска сохранилась. Типичный призрак. Ближе к материку его бы, пожалуй, осмотрели, но здесь с этим возиться вряд ли будут, слишком хлопотно и опасно, да и нет у миноносца такой задачи, так что действительно потопят. Вряд ли это беженцы, скорее всего, еще довоенная постройка, вытасченная в море последним цунами.

Я посмотрела на запад и в подтверждение своих мыслей увидела «Энолу», выходящую на боевой курс. Она ускорялась, зарываясь в волны. Неужели используют торпеду? Для цели, недостойной хорошего снаряда? Ее же легко можно разнести из пушек, каждый вакуумный кайтэн стоит как двухэтажный домик на четвертой линии...

Но Императорский флот был верен традициям и потому презирал экономию. Миноносец резко изменил курс, и тут же под призраком вздулся гигантский водяной пузырь. Он поднял траулер над океаном и лопнул с протяжным вздохом. Траулер обрушился в возникшую воронку и сгинул, вода на поверхности вскипела. Все.

Пришла слабая ударная волна, она хлестнула по нас острой соленой дробью и сорвала с меня капюшон. Помощник капитана предусмотрительно придержал свою фуражку рукой и улыбнулся. Он определенно мечтает служить на военном флоте, с детства мечтал, но не получилось. Возможно, из-за здоровья, но, вероятнее всего, подвело происхождение: в помощнике угадывалось нечто неуловимо корейское.

Пришла волна обычная, «Каппу» повело в сторону, и помощник попытался поддержать меня под локоть, за что немедленно получил. Он тут же отобрал у меня бинокль и сказал, что нам повезло — не каждый рейс удастся увидеть такое представление, это хорошее предзнаменование, водные духи будут к нам милостивы. Но, с другой стороны, и не повезло — теперь мы наверняка не успеем до сумерек, а это не есть хорошо.

Он оказался прав — «Каппа» вошла в залив поздним вечером. Погода злорадствовала: ветер сменялся дождем, остывающее дыхание вулканов стекало в море ручьями и серым туманом, сквозь который не прорывались ни огни порта, ни свет маяка, ни газовые факелы дальних обогатительных станций. Капитан не спешил приближаться к берегу, сухогруз стал на якорь на рейде Курильска, и там мы пробыли до утра, ожидая, пока ветер отгонит от берега мглу и можно будет продвигаться наверняка.

Машины перешли на холостой ход, вибрация, изводившая меня с отплытия из Кито, прекратилась, стакан не дребезжал на столе, ночник перестал рвать, и стало тихо. Только сушеные морские звезды покачивались под потолком и с деревянным звуком стукались друг о друга.

Я хотела выспаться перед завтрашней землей, но не вышло. В ушах будто вата, и вместе с ней отчего-то мигрень, я достала саквояж и из него походную аптечку. Пихтовое масло в треугольном флаконе. Если втереть по капле в каждый висок, то боль скоро отступит, кроме того, оно отлично помогает от морской болезни и от простуд.

Я прилежно втирала масло пять минут, сначала по часовой стрелке, потом против, разгоняя кровь, чувствуя, как тепло поднимается к затылку, спускается на шею, впитывается в позвонки. Чудесное средство. Бабушка утверждала, что именно с помощью него ей

удалось поднять на ноги моего деда, простудившегося в легендарном Северном Походе и заболевшего там ревматизмом. Дед передвигался на костылях и с трудом говорил, и лишь чудесное пихтовое масло, баня и компрессы из меда поставили его на ноги. Мед у меня тоже имелся, но совсем немного, и я не собиралась использовать его без особой на то надобности.

Мигрень отступила, но почти сразу за стенкой завыл Ину. Никто точно не знал, как его звали, помощник капитана сказал, что они зовут его Ину, как всех каторжан. Обычно Ину рыдал днем, к сумеркам он уставал и только горько всхлипывал, окончательно замолкая в темноте, но сегодня все случилось наоборот: Ину стenal, проклиная судьбу, гремел цепями и стучал миской об пол. Я могла попросить помощника, и тот наверняка отыскал бы способ утихомирить буйного, но, если честно, помощника мне видеть совсем не хотелось. Стоны становились все протяжней и убедительней, я не могла оставаться в каюте, меня охватило странное волнение. Я поднялась на палубу.

Здесь былолюдно. Человек пятьдесят в оранжевых комбинезонах — полугодовая смена — стояли у лееров и курили, разглядывая проступающий сквозь туман остров. Иногда кто-то из рабочих шутил, нюхал воздух, отчетливо пахнувший серой, и указывал папиросой в сторону берега. Остальные смеялись, но невесело — им предстояло провести шесть месяцев на фабриках, производящих германий, на зольных отвалах, на конденсаторах золота, в очистных забоях и шлаковых полях. А некоторых ждала дорога на Кудрявый — жемчужину Северных Территорий, место, где из палящего дыхания бездны выпаривался драгоценный и незаменимый рений. И те, кто стоял, курил и смеялся в этот вечерний час на палубе «Каппы», знали, что домой вернутся далеко не все, а те, кто вернется, останутся калеками — с силикозными лег-

кими, с распухшей печенью, полуслепые, с лицами, съеденными саркомой. Но те, кто переживет эти полгода, до скончания дней своих будут обеспечены: едой, водой, борделями, медициной, неотчуждаемым клочком земли, на котором он сможет вырастить дерево, на котором он умрет счастливым.

Эторофу. Население 1385, не учитывая сменных рабочих.

Инфэруно. Население 1385, не учитывая сменных рабочих.

Итуруп. Мы должны были пробыть здесь сутки. Отдать смену, принять смену, разгрузить припасы и технику и забрать контейнеры с рением, золотом, с другими редкоземельными элементами.

Я не собиралась оставаться на судне все это время. В планах было посетить окрестности Курильска, побеседовать с мэром и выполнить кое-какое поручение, которым меня обременила матушка и отказаться от которого не удалось.

Помощник капитана два раза прошел мимо в парадном кителе и с короткой саблей, которую он зачем-то прицепил к поясу, видимо, пытаясь произвести на меня впечатление. Но впечатление он производил в основном на рабочих, которые при его приближении замолкали, а едва он удалялся, начинали хихикать и передразнивать его индюшачью походку и жеребцовую осанку.

В полумиле от нас к северу в море вспыхивали и гасли зеленые огни — это была едва различимая во мгле «Энола», миноносец сопровождения Императорских сил береговой охраны, при свете дня похожий на суетливую снежную борзую, а по вечерам напоминавший хищного острорылого осетра. Он тоже ждал погоды, щупал туман дальними сканерами и готовился. Здесь не водилось пиратов, но случалось, что из Охотского моря приносило мертвые субмарины, столкновения с кото-

рыми не перенес бы ни один сухогруз, их топили на дальних подступах. Рением рисковать нельзя. «Энола» была нашей тенью, чем вызывала в команде периодические приступы гордости: миноносец сопровождения во всем флоте полагался только двум судам — «Каппе» и «Астре», личной яхте Императора. Особенно это вдохновляло помощника Тацуо, он, кажется, в любой момент дня и ночи мог сказать, где находится миноносец, как я знала, где Сахалин. Тацуо то и дело поглядывал в сторону рейдера, как бы поддерживая крепость своего духа мощью вакуумных торпед «Энолы».

Если честно, сегодня я впервые увидела ее на таком расстоянии. Их всего пять — «Тикандерога», «Мак Артур», «Айова», «Роберт Ли» и «Энола», рейдеры седьмого поколения. О них слышали все, но мало кому удавалось наблюдать их вблизи, так что некоторые считали, что миноносцев нет, что это слухи.

Но «Энола» существовала на самом деле, я смотрела в сторону океана, и раз в полминуты по лицу пробегала колючая волна от ее локаторов. «Энола» ждала. А мне ждать наскучило, и, постояв на палубе около получаса, я спустилась к себе, закуталась в плед и уснула. Мое путешествие началось.

Я рано проснулась. Рабочих на палубе уже не было, всю шла разгрузка, выли сиренами краны, скрипели тросы и лязгали цепи. Здесь не осталось ничего интересного, поэтому я закинула на плечи рюкзак и отправилась на прогулку. Кажется, я улыбалась. Точно, улыбалась, это ведь была моя первая чужая земля.

Мэр Курильска принял меня доброжелательно. И хотя у него в связи с прибытием «Каппы» возникло множество неотложных дел, он тем не менее отключил от линии телефон и уделил мне час своего времени.

День разогнал утренние тучи, выглянуло солнце, мэр пригласил меня выпить с ним чаю на веранде здания администрации, с видом на вулкан и морской

порт. Мы устроились в старинных глубоких креслах, и человек принес чай на золотом подносе и в золотом же сервизе, и сам чай содержал некие едва уловимые глазом блески. Я слыхала о подобном. Ну, что начальники Северных Территорий чуть ли не поголовно сибариты и склонны к тайной роскоши. Теперь, прихлебывая чай, я думала, что в этих рассказах имелся некий резон. Впрочем, металл кружек был слишком уж светлым, вполне могло статься, что мэр пытался произвести избыточное впечатление.

Чай пришелся кстати — я до сих пор пребывала в некоей отстраненности и никак не могла ощутить новую реальность, хотя она и была под ногами, вокруг, она дышала, гремела и воняла и кружилась в чашке золотой метелью.

— Наша продукция, — мэр с удовольствием позвенел ложечкой по чашке. — Высшая проба, между прочим.

— Золото? — несколько провокативно уточнила я. — Или все-таки электрон?

— Как можно? — Мэр притворно оскорбился. — Электрон... Ну что вы, конечно, золото. Правда, не могу похвастаться, что чистое.

— Палладий?

— Немного, — улыбнулся мэр. — Золото, согласитесь, само по себе...

Мэр опять с удовольствием постучал ложечкой по чашке, и звук получился высокий.

— ... золото есть скучный металл. Это...

Снова «дзинь-дзинь».

— Это лучше, чем золото. Палладий, около двадцати процентов платины и, разумеется, он.

— Рений.

— Да-да, это он. Мы извлекаем около тонны в год... Впрочем, золота больше. Чай повторить? Есть травяной, есть натуральный, из старых запасов.

Мэр пошевелил бровями, чтобы я поняла, что это действительно *старые* запасы.

— Пожалуйста, натуральный.

Мэр принялся разливать чай, а я позволила себе отвлечься на вулкан и море. Вулкан затягивали легкомысленные облачка, вокруг «Каппы» сустились краны и погрузчики, море было спокойно, вдалеке, прикрывая вход в залив, белой стрелой застыла «Энола».

— Мне сообщили о ваших намерениях, — сказал мэр. — И они, безусловно, благородны. Мы очень рады, что Департамент Этнографии наконец решил послать инспектора...

Мэр снова пошевелил бровями в мой адрес и продолжил:

— Мы счастливы встретить инспектора, который откроет глаза этим фанфаронам в столице на наше положение. И я очень рад, что сюда прибыли именно вы, молодая, образованная девушка из хорошей семьи. Вы совершенно правы, что начали свое путешествие именно отсюда, мы — форпост Северных Территорий, фактически ворота. Я бы даже сказал, врата. Оплот!

Мэр хихикнул. Я попробовала натуральный чай, он оказался действительно не так уж плох, во всяком случае, не навел на мысли о сушеных тараканах и вяленых лишайниках, вода же явно из опреснителя, но в меру жесткая, наверное, все-таки с таблетками. Надо привыкать, вряд ли на самом Сахалине можно легко раздобыть чистой воды, так что пренебрегать фильтрованной водой, водой восстановленной или исправленной не стоит.

— Я, собственно, не инспектор, — возразила я, вежливо отодвинув чашку. — Скорее, этнограф и полевой наблюдатель, инспекционные функции мне не присвоены, моя задача — дать общую картину. Вернее, не общую картину, а впечатление, некий...

— Да-да, — кивнул мэр. — Все понятно, я читал представление...

Он улыбался, а я видела, что ничего ему не понятно и что он сейчас интенсивно пытается просчитать, действительно ли я не инспектор или нет, или, может, я избалованная, пресыщенная дура, решившая развлечь себя столь диким способом; говорят, такие опять завелись в Токио. Господина мэра настораживала прикладная футурология, слишком уж необычная.

— Департамент Этнографии... — Мэр почесал ложкой лоб. — У него... широкие интересы, кажется.

— Чрезвычайно широкие, — подтвердила я. — Например, нам исключительно интересен этнический состав Итурупа, в частности, как влияет национальность рабочего на производительность труда. Понимаете, эти данные...

Но мэр, разумеется, уже не слышал. Он добавил себе в чай еще одну порцию эрзац-сахара, вздохнул и, не слушая меня, принялся подготовленно жаловаться: национальный состав ему совершенно безразличен, да и едут сюда только китайцы, а разбираться в оттенках китайского... материала он просит его уволить, три китайца разговаривают и друг друга не понимают, это всем известно. Корреляции между выработкой нормы и этнической принадлежностью рабочего лично им не выявлены, и он повторяет — на все это ему глубоко наплевать. А вот на что ему не наплевать, так это на то, что Департамент тяжелой промышленности раз за разом присылает не рабочих, а каких-то неумных обжор, которые жрут гораздо больше, чем трудятся. Он трижды подавал в Департамент предложение подвергать всех заключивших контракт китайцев принудительной резекции желудка, но его записки остаются безответными, обжоры прибывают целыми сухогрузами, а снабжение год от года все хуже. Каждому ра-

бочему полагается по два белковых концентрата, на самом же деле до потребителя доходит всего один, второй же капитаны сухогрузов списывают под предлогом гнили и продают на черном рынке в Южном, недостаток же питания приходится компенсировать соленой черемшой. Да и качество тех белковых концентратов оставляет желать лучшего: рацион несбалансированный, откровенно дрянной, у рабочих и у технического контингента непрекращающиеся расстройства желудка (неприлично сказать, но его заместитель — мэтр Тоши, достойнейший муж, — вынужден пользоваться пластиковыми подгузниками, а он, между прочим, давно не мальчик). А в опреснителях черви, там нужно менять кассеты раз в декаду, а их не хватает, поэтому кассеты меняются раз в три месяца, и приходится давать рабочим скверную воду, от которой черви заводятся внутри самих рабочих. С барбитуратами ситуация просто катастрофическая, их не поставляют скоро уж год, приходится компенсировать их отсутствие повышением норм выработки, потому что если не повышать нормы, то рабочие начинают собираться в бараках и рассуждать вслух. Но если повышать нормы, то амортизация рабочей силы резко возрастает, в результате чего под конец контрактного срока резко падает производительность труда, а аварийность на производстве, напротив, увеличивается, на обогатительных же фабриках задействовано сложное оборудование, и если, к примеру, в сепаратор падает какая-нибудь китайская образина, то после этого сутки сепаратор приходится чистить, а брикеты на повторную переработку...

Я попыталась прекратить этот вопль, но мэр продолжал и уже дошел в своих жалобах до погоды, которая у них обычно здесь, *как назло*, и на крыс, которых много, но которые, *как назло*, несъедобны, на отравителя, заведшегося в бараках, — травит без всякого

разбора и смысла, а поймать его никак, на планы добычи, повышаемые с каждым годом. Планы повышаются, а присылаемый контингент им решительно не соответствует! Доходит до курьезов — иногда из-за низкой квалификации... да чего уж там говорить, из-за бестолковости рабочих горное управление вынуждено посылать на оголившиеся участки своих сотрудников. Мэтр Тоши был вынужден два дня проработать на Кудрявом, и теперь у него реактивный артрит.

В конце мэр еще раз пожаловался на погоду, которая, *как назло*, делает все, чтобы помешать выполнению обязательств. Ветер стал холоднее, а промозглость промозглее; чтобы согреться, тот же мэтр Тоши вынужден принимать по две термальных ванны в день, от этого у него выпали волосы и потрескалась кожа.

— А вулканы? Вулканы пробуждаются, — вздохнул мэр. — Сейсмоактивность растет с каждым годом. Тектоника нестабильна, а у нас из трех сейсмографов исправен один! Того и гляди взлетим на воздух. И во имя чего?!

Мэр сказал это слишком эмоционально и тут же осекся.

— Я все понимаю, — поправился он. — Все понимаю! И остальной персонал тоже все понимает! Двигатели нового поколения, прорыв в технике, перспективы, но и вы меня поймите — нам очень тяжело! Очень!

— Я не инспектор, — повторила я. — Я всего лишь футуролог. Департамент Этнографии, кафедра прикладной футурологии Университета, это есть в моих бумагах.

Но мэр только понимающе улыбнулся, давая понять, что я могу говорить все, что угодно, но его не обмануть, он старый волк и футурологов на своем веку повидал немало, и прикладных, и вообще всяких.